

La Liberté guidant le peuple

**ТРУДЫ КАФЕДРЫ
ИСТОРИИ НОВОГО
И НОВЕЙШЕГО
ВРЕМЕНИ**

**8
2012**

К ВОПРОСУ О ПОДХОДАХ Э. БЕНЕША И ЧЕХОСЛОВАЦКИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ СОЦИАЛИСТОВ К ВЫСЕЛЕНИЮ НЕМЦЕВ ИЗ ЧЕХОСЛОВАКИИ (1938 – 1945 ГГ.)

Начало разделению чехословацкого государства между Германией, Венгрией и Польшей положила международная конференция в Мюнхене, состоявшаяся 29 сентября 1938 г., и последовавшие за ней события. 20 ноября 1938 г. был заключен чехословацко-немецкий договор о новой государственной границе. Согласно договору Германской империи от Чехословакии отошло 29 тыс. км²; Польше – около 1 тыс. км², в том числе две трети Тешинской Силезии; Венгрии – южная Словакия и юг Подкарпатской Руси, включая ее столицу Ужгород (всего – 12 тыс. км²). Единственным соседом, ничего не получившим, была Румыния. Таким образом, территориальные потери Чехословакии в 1938 г. составили примерно 30 % ее первоначальной территории. С тринадцатого места в Европе по занимаемой площади после Мюнхенского соглашения Чехословакия оказалась на семнадцатом месте. Чехословакия стала вторым после Чили самым узким государством в мире. Это уже не было жизнеспособное государство. Оно, по словам видного деятеля Чехословацкой национально-социалистической партии (ЧНСП) Г. Рипки, «было подобно чудовищу»¹. Причем возникновение так наз. «второй республики» (30 сентября 1938 г. – 14 марта 1939 г.) сопровождалось насильственным изгнанием либо бегством чехов из районов, отданных Германии (122 тыс. чел.) и Польше (30 тыс. чел). Кроме того, еще 130 тыс. чехов покинули Словакию (включая земли, отошедшие Венгрии). Наиболее лояльную позицию по отношению к чехам заняло правительство Подкарпатской Руси (позже Подкарпатской Украины)².

Последовавшие в марте 1939 г. окончательное расчленение чехо-словацкого государства и оккупация чешских земель оказали колоссальное влияние на национальное сознание, прежде всего, чехов. При этом вина

чехословацких немцев в произошедшем казалась неоспоримой, и это предопределило их дальнейшую судьбу.

В чешских архивах был найден документ, свидетельствующий о том, что еще накануне Мюнхена 16 сентября 1938 г. Э. Бенеш планировал сократить численность немецкого населения в стране. В этой связи во Францию был направлен депутат парламента Я. Нечас, в проекте которого Германии предполагалось отдать около 4-6 тыс. км² на северо-востоке Чехословакии при условии, что она примет 1,5-2 млн. чехословацких немцев³. А 31 января 1939 г. состоялся разговор Э. Бенеша и члена движения Сопротивления в Чехословакии Я. Драбека. После разговора с президентом Я. Драбек на карте Чехословакии сделал следующие пометки: Германии должны были отойти западные регионы от Тахова до Доуповских гор (включая Карловы Вары, Кадань, Вейпрты); северные территории от Усти над Лабем до Танвалда (включая Дечин и Либерец), Броумовский выступ и небольшие районы возле Кралика, Микулова, Быстржице и Каплиц. Предусматривались также уступки в районе Кралицкого Снежника через Шумперк, Рымарж до Опавы. На карте имелась и линия, отмечавшая территориальные приобретения самой Чехословакии на севере страны. По мнению Э. Бенеша, таким образом Чехословакия смогла бы избавиться от 1,4 млн. немцев⁴. Но эти проекты нигде официально озвучены не были: Э. Бенеш понимал, что это противоречило его тезису о восстановлении Чехословакии в домюнхенских границах.

В депеше Центральному комитету чехословацкого движения Сопротивления от 26 – 27 ноября 1940 г. Э. Бенеш изложил свое видение решения национально-территориальных проблем после войны. Во-первых, он ни в коем случае не отказывался от исторических границ Чехословакии, но для него это был вопрос «благоприятной возможности, а не твердого убеждения»⁵. «Раз и навсегда мы должны обеспечить как можно большее жизненное пространство для своего народа. Это возможно только в результате войны»⁶. В качестве главной рассматривалась проблема создания обширных чешских областей. Так называемые «внутренние немцы», в том числе и из самой Праги, должны были либо покинуть территорию Чехословакии, либо принять «чешский языковой и административный режим без каких-либо прав национального меньшинства в рамках новых этнических чешских границ». Для немцев предполагалось создание трех административно-территориальных единиц («жуп») (Крновской, Либерецкой и Карловарской – северные районы Чехословакии) для того, чтобы в будущем «наши немцы не могли нас терроризировать». При этом

Э. Бенеш подчеркивал необходимость сохранения немецких жуп в рамках чехословацкого государства. Президент высказывал сомнения в самой возможности выселения либо трансфера 3 млн. немцев, как «некоторые у нас наивно полагают». Единственное, на что, по его мнению, можно было надеяться так это на выселение из Чехословакии после войны сотен тысяч нацистов или принудительное переселение еще нескольких сотен тысяч из выше перечисленных районов в немецкие «жупы», Австрию или Германию. Э. Бенеш надеялся, что это позволит выселить не многим более 1 млн. немцев, но и это уже можно будет расценивать как «огромный успех в обеспечении государственной безопасности и национального развития» чехословацкого народа⁷. С другой стороны, тот же Э. Бенеш настаивал на выселении хотя бы 1 млн. немцев как жизненной необходимости чешского народа⁸ в целях предотвращения гражданской войны⁹.

Движение Сопrotивления в Чехословакии было категорически против планов Э. Бенеша по созданию немецких жуп. Поэтому под их влиянием, а также под влиянием событий, происходивших в Чехословакии с середины 1941 г., он перестал об этом говорить.

В Меморандуме Э. Бенеша о мирных целях чехословацкой политики (3 февраля 1941 г.) давалось объяснение невозможности установления этнической границы между Германией и Чехословакией. Так, утверждалось, что если чешские земли и северная Моравия не будут сохранены в довоенном виде, то никто не сможет гарантировать независимость Чехословакии, «ее экономическое процветание и политическое развитие». Поэтому между Германией и Чехословакией будущая граница должна формироваться с учетом природного фактора. Такая граница исключала бы возможность «нового Мюнхена» (подчеркнуто в тексте – Н. П.)¹⁰. Ведь только она, как отмечал президент в письме к своему брату В. Бенешу еще 4 апреля 1940 г., «спасала чешский народ на протяжении многих столетий от германизации»¹¹. Параллельно предполагалось проведение переселения немецкого населения. Исчезновение же «смешанных краев» способствовало бы созданию более однородного государства и сделало возможным «действительное национальное существование» чешского народа и «мирное сосуществование» чехов и немцев, оставшихся в республике. Более радикальное упорядочение границ касалось обмена некоторыми районами в северной и западной Чехии¹². Главная цель будущих национально-территориальных изменений состояла в создании более однородных областей проживания как чешского, так и немецкого населения .

После выхода Меморандума от 3 февраля 1941 г. был высказан ряд замечаний к некоторым его положениям. Так, Г. Рипка в своих замечаниях от 25 февраля 1941 г. сомневался в целесообразности создания «автономных немецких территорий». С одной стороны, Прага всегда бы колебалась в необходимости значительных финансовых вливаний в немецкие «жупы» из-за возможного их присоединения к Германии. С другой стороны, экономическая «заброшенность» немецких районов могла стать причиной будущего социально-экономического и политического недовольства. По его мнению, немцы не будут удовлетворены созданием немецкой администрации в немецких «жупах», они захотят оказывать влияние на внешнюю политику государства, на армию, экономику, финансы и коммуникации. Г. Рипка сомневался и в самой возможности проведения трансфера немецкого населения, объясняя это тем, что Англия, США и, тем более, Россия, не дадут на это своего согласия. В этой связи он предлагал два варианта решения вопроса. Сущность первого состояла в том, чтобы восстановить Чехословакию в исторических границах при уменьшении влияния немецкого элемента. Г. Рипка предлагал заселить пограничные регионы как можно большим числом чехов и запретить какую-либо автономию. По его мнению, автономия означала ничто иное, как раздвоение и разложение чешского государства, и подготовку нового Мюнхена. Вторым его вариант предполагал отказ от старых исторических границ и возможность уступки некоторых приграничных территорий (район Хеба на северо-западной границе; Шлукнова, Фридланда, Фривалдова и Крнова на северо-востоке и некоторых районов около р. Дийи на южной границе с Австрией). Взамен Чехословакия могла бы требовать район Кладско, возможно даже и Ратиборжа; трансфер, по крайней мере, 1,5 млн. немцев из пограничья с параллельным переселением чехословаков из Германии и Австрии; запись оставшихся в Чехословакии немцев либо как чехословаков, либо как подданных Германской империи с правами и положением иностранцев; ликвидацию национальных меньшинств, по крайней мере, немецкого. Сам Г. Рипка склонялся ко второму варианту¹³.

Не был согласен с позицией Э. Бенеша и другой видный деятель (ЧНСП) Я. Странский, который высказывался против создания немецких административных единиц и против трансфера, считая его «нацистским изобретением»¹⁴. Он также отвергал возможность отказа от некоторых чехословацких территорий, так как не мог представить, что государство-победитель могло бы выйти из войны с территориальными потерями.

А предоставление автономных прав судетским немцам, по его мнению, означало бы начало отторжения этих территорий от Чехословакии¹⁵.

В ходе развернувшейся дискуссии было высказано мнение, что трансфер как способ решения национальных проблем в Центральной Европе мог быть начат уже в первой половине мая 1941 г. Потом последовали выступление Э. Бенеша в Оксфорде 23 мая 1941 г. и статья Г. Рипки в «Central European Observer» от 30 мая 1941 г., в которых трансфер рассматривался как средство достижения наибольшей степени гомогенности малых центрально-европейских государств¹⁶. Таким образом, к 1942 г. идея трансфера немецкого населения уже полностью оформилась и у Э. Бенеша, и у национальных социалистов. И несмотря на то, что трансферу могут сопутствовать лишения и несправедливость, тем не менее, его ценность состоит в возможности установления более или менее постоянного равновесия и продолжительного мира¹⁷. В то же время Э. Бенеш признавал, что трансферы не решают проблему полностью, так как какой-то процент меньшинства все же остается в пределах исходного государства.

Э. Бенеш и его сторонники допускали также возможность обмена приграничными территориями в целях сокращения количества немецкого населения*. Оставшиеся в республике немцы автоматически признавались гражданами Германской империи, и лишь только антифашисты и немцы, сохранившие верность чехословацкому государству, могли рассчитывать на чехословацкое гражданство. Э. Бенеш планировал проведение трансфера за 5 лет, причем основную массу немецкого населения планировалось выселить в первые два года¹⁸. Целью очищения страны должно было стать создание однородных областей, где не менее 67 % населения составляли чехи, словаки и карпаторуссы¹⁹. Проблему трансфера немецкого населения президент увязывал с социальной, так как «среди наших немцев 70 % богатых людей»²⁰. Они должны были быть выселены в первую очередь. Конфискация немецких земель, фабрик, шахт, металлургических заводов, банков рассматривалась как начальный этап национализации. Поэтому трансфер означал для чехов, как отмечал Э. Бенеш на московских переговорах 1943 г., «чехизацию и начало великого социального переворота»²¹.

Выступая в Государственном Совете летом 1944 г. Бенеш заявил о претензиях Чехословакии на те районы, где чешский элемент доминировал. В частности, он имел в виду Шумаво, районы на юго-восток от Индржихова Градца, Знойма, долины реки Дийя и на севере угольный

Духцовский бассейн, Йелемнице, чешские Подкрконоши, Либерец, Забржеш и Кралицкий Снежник²². В разговоре с министром иностранных дел Великобритании А. Иденом Э. Бенеш предложил урегулировать границу с Германией путем взаимных территориальных уступок. При этом граница должна была идти не по вершинам гор, а по их подножью со стороны Германии. Президент еще раз подчеркивал, что это его личный взгляд на проблему, который не всеми разделялся²³. Придерживаясь принципа «ни одной пяди чужой земли не хотим, но и ни одного вершка своей земли не отдадим никому»²⁴, представители лондонской эмиграции во имя действительной независимости Чехословакии были готовы идти на уступки: «ибо нет таких уступок, при помощи которых нельзя было бы добиться больших уступок»²⁵.

После окончания войны Чехословакию охватила волна чешского и словацкого национализма. Для представителей всех политических направлений национализм стал составной частью идеологии национальной революции и новой государственной идеи. Председатель Временного Национального собрания, член президиума ЧНСП Й. Давид, выступая в мае 1945 г., говорил о том, что наступил исторический момент, когда «мы раз и навсегда избавимся от многовековой обузы немецкого меньшинства... В этом стремлении мы едины в правительстве, начиная от монсеньора Шрамека и заканчивая Климентом Готвальдом»²⁶. В результате этой «очистительной кампании» ЧСР, по мнению Э. Бенеша, «должна остаться в национальном отношении славянским государством»²⁷, «национальным государством чехов и словаков, и никого другого»²⁸.

Лозунг «окончательно разнемечить нашу родину в культурном, экономическом и политическом отношении»²⁹ упал на благодатную почву, так как «ненависть к немцам, – как отмечалось в отчете о поездке в Румынию и Чехословакию советской делегации деятелей науки и культуры, – великая, такая, какую в других странах встречаешь не часто». В отчете описывались случаи бытового антинемецкого национализма, выливавшегося в эксцессы прямо на улице, отмечалось и другое выражение этой ненависти – «огонь в глазах чехов, когда они говорят о немцах»³⁰. В донесении командующего войсками 1-го Украинского фронта И. Конева говорилось о случаях «жесткой расправы населения с немцами, как пленными, так и гражданскими»³¹. В докладе же члена военсовета 4-й гвардейской танковой армии 4 июня 1945 г. отмечалось, что население решительно расправлялось с немцами, «применяли самые разнообразные формы наказания, вплоть до сжигания на костре отдельных эсэсовцев»³². Некоторые немцы

даже заканчивали жизнь самоубийством, «вскрывая вены на руках»³³. Партийный орган ЧНСП газета «Свободное слово» в ноябре 1945 г. поместила статью ее главного редактора и члена президиума ЧНСП И. Гербеня под названием «Дьявол говорит по-немецки», где отмечалось, что «никакой разницы между немецким народом и нацизмом нет. Не Гитлер создал нацизм, а нацизм со всеми его жестокостями и зверствами уже существовал в германском народе еще задолго до Гитлера... Нет также и демократических немцев. Каждый немец прежде всего империалист, разбойник и рабовладелец... Чешский отец, не воспитывающий своего ребенка в духе ненависти к немецкой лжекультуре и бесчеловечности, не только плохой патриот, но и плохой отец»³⁴. ЧНСП даже выдвинула предложение о введении особого отличительного знака для всех немцев, своего рода «желтого пятна»³⁵. В ряде мест это и было сделано: все немцы Оломоуца и Моравские Остравы, находящиеся на свободе, должны были носить специальную отметку³⁶.

Немалую роль в формировании столь одиозной позиции Э. Бенеша и национальных социалистов сыграла капитуляция Чехословакии в 1938 г., самым страшным последствием которой, по мнению чешских историков, явились не столько территориальные изменения, сколько «тотальная духовная капитуляция»³⁷. Осознавая собственную малозначимость в политической игре великих держав мира, председатель ЧНСП П. Зенкл говорил, что «свобода действия малых народов сегодня в некоторой степени ограничена и это вдвойне справедливо о государстве, находящемся в нашем положении»³⁸. Поэтому, однажды потерпев поражение в дни Мюнхена, Э. Бенеш и его сторонники были людьми с «мюнхенским комплексом»³⁹, который включал в себя панический страх перед Германией и перед развязыванием «новой мировой войны»⁴⁰. Вероятность появления реваншистских тенденций в европейской политике и угрозы национальному суверенитету в значительной степени определяла общественное настроение в Чехословакии и после Второй мировой войны.

¹Rataj J. O autoritativní národní stát. Ideologické proměny české politiky v druhé republice 1938 – 1939. Praha, 1997. S. 12.

²Там же. S. 13.

³Křen J. Odsun Němců ve světle nových pramenů // Češi. Němci. Odsun. Diskuse nezávislých historiků. Praha, 1990. S. 9.

⁴Там же. S. 8.

- ⁵Češi a sudetoněmecká otázka. 1939 – 1945. Dokumenty. Praha, 1994. S. 78.
- ⁶Dokumenty z historie československé politiky. 1939 – 1943. Praha, 1966. Díl 2. „Spolupráce československé emigrace na západě s domácím odbojem, její vztahy k tzv. Protektorátní vládě a germanizační politika okupantů. S. 595.
- ⁷Češi a sudetoněmecká otázka. 1939 – 1945... S. 78.
- ⁸Dokumenty z historie československé politiky. 1939 – 1943. Praha, 1966. Díl 1. Vztahy mezinárodní diplomacie k politice československé emigrace na západě. S. 143.
- ⁹Восточная Европа в документах российских архивов. 1944 – 1953 гг.: В 2 т. Москва, Новосибирск, 1997. Т. 1.: 1944 – 1948 гг. С. 175.
- ¹⁰Češi a sudetoněmecká otázka. 1939 – 1945... S. 86.
- ¹¹Beneš E. Dopisy bratru Vojtovi. 1938 – 1944. Praha, 1998. S. 38.
- ¹²Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních. 1939 – 1945. Dokumenty. Praha, 1999. Díl 2: červenec 1943 – březen 1945. S. 512.
- ¹³Češi a sudetoněmecká otázka. 1939 – 1945... S. 98.
- ¹⁴Dokumenty z historie československé politiky. 1939 – 1943 ... Díl 1 ... S. 196.
- ¹⁵Там же. S. 198.
- ¹⁶Češi a sudetoněmecká otázka. 1939 – 1945... S. 104.
- ¹⁷Beneš E. The future of small European nations. The speech delivered before the Council on Foreign Relations in Chicago on May 22, 1943. New York, 1943. P. 9.
- ¹⁸Кретишин. Народ без родины. Воронеж, 1994. С. 203-206.
- ¹⁹Československo-sovětské vztahy ... S. 145-146.
- ²⁰Переговоры Э. Бенеша в Москве (декабрь 1943 г.) // Вопросы истории. 2001. №1. С. 23.
- ²¹Там же. С. 24.
- ²²Češi a sudetoněmecká otázka. 1939 – 1945... S. 286.
- ²³Там же. S. 310.
- ²⁴Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 138. Оп. 12. П. 26. Д. 24. Л. 187.
- ²⁵Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 128. Д. 293. Л. 10.
- ²⁶Кому sluší omluva. Češi a sudetští Němci. (Dokumenty, fakta, svědectví). Praha, 1992. S. 98.
- ²⁷РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 1082. Л. 11.
- ²⁸РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 775. Л. 183, 185; *Kusin V. Czechoslovakia // Communist Power in Europe. 1944 – 1949 / Ed. by M. McCauley. London, 1977. P. 172, 266.*
- ²⁹РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 775. Л. 183.
- ³⁰РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 716. Л. 133.
- ³¹Русский архив: Великая Отечественная война. Красная Армия в странах Центральной, Северной Европы и на Балканах: Документы и материалы: 1944-1945. М., 2000. С. 560.
- ³²Там же. С. 566.
- ³³Восточная Европа в документах российских архивов ... С. 223.
- ³⁴РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 776. Л. 55-57.
- ³⁵РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 775. Л. 169.
- ³⁶Там же. Л. 192.

³⁷Rataj J. O autoritativní národní stát ... S. 181.

³⁸Kusin V. Czechoslovakia ... P. 74.

³⁹Ibid.

⁴⁰РГАСПИ. Ф. 17. ОП. 128. Д. 775. Л. 169. Л. 183-184.

*Так, они предполагали путем обмена некоторых районов избавиться примерно от 600 – 700 тыс. чел. путем организованного трансфера от 1,2 – 1,4 млн. чел. и от 300 – 400 тыс. немцев – так называемых виновников войны. В общей сложности получалось примерно 2,1 – 2,5 млн. немцев. В Чехословакии же оставалось бы 0,6 – 1 млн. чел. Немедленному выселению подлежали члены Гестапо, СС, немецкой полиции, функционеры генлейновской партии, Гитлерюгенда, все воевавшие на фронтах войны на стороне Германии, учителя, профессора, юристы, инженеры – члены каких-либо нацистских организаций, а также все немцы, которые извлекли выгоду из финансово-экономической оккупации страны.